

Е. С. Голубцова

ФОРМЫ ЗАВИСИМОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ МАЛОЙ АЗИИ В III—I вв. до н. э.

В СОВЕТСКОЙ историографии сельскому населению Малой Азии посвящены две специальные работы: в статье И. С. Свенцицкой¹ анализируются судьбы сельского населения на городских, в статье А. Б. Рановича² — на царских землях. Оба автора характеризуют это население как зависимое, хотя в чем именно заключалась зависимость и каковы были ее конкретные формы, — не говорят. В результате этих исследований все же остается неясным вопрос о том, можно ли какую-то часть сельского населения Малой Азии считать населением полноправным и какую именно, или, другими словами, какое именно сельское население и в какой мере являлось зависимым, поскольку критерии этого определения еще не выработаны. В историографии, как советской, так и зарубежной, общепринято, что население полиса состояло из полноправного и неполноправного. Сельское же население обычно без всяких градаций определяется как зависимое — и племена, и жители деревень, и население, сидящее на землях, принадлежавших городам, храмам, частным лицам. Это положение высказывается без специальной аргументации и без изучения конкретно-исторического материала, характеризующего жизнь той или иной категории сельского населения. Кроме того, констатация лишь самого факта зависимости мало что дает для понимания социально-экономических отношений, имевших место в эллинистической Малой Азии. Считается, что если крестьянин платит денежную подать общине или владельцу земли, это дает основание называть его зависимым. При этом упускается из виду, что «полноправные» жители полиса, его граждане, также ведь уплачивали определенные налоги в пользу города и царя. Учитывая данное соображение, вопрос о критериях, определяющих формы зависимости, должен быть еще поставлен на основе изучения конкретно-исторического материала.

Однако в самой общей форме нужно отметить, что определение всего сельского населения как зависимого вряд ли было бы правильно, поскольку оно не представляло собой чего-то единого. В первую очередь это касается малоазийских племен. С одной стороны, были такие зависимые племена, как, например, мариандины и педиеи, которые обрабатывали земли городов (а вернее, греческие города некогда захватили принадлежавшие

¹ И. С. Свенцицкая, Зависимое население на землях городов Западной Малой Азии в период эллинизма, ВДИ, 1957, № 3, стр. 91—103.

² А. Б. Ранович, Зависимые крестьяне в эллинистической Малой Азии, ВДИ, 1947, № 2, стр. 28—39.

290
1/2
элли
критер

этим племенам земли), но, с другой стороны, имелись крупные и многочисленные племена, такие, например, как моккадены, ликаоны и моксеаны в Западной Лидии, аббайты, абреттены, морены, олимпены в Мисии и Фригии и другие, которые чеканили свою монету (Plin., NH, V, 105) и основывали свои города³. Как правильно отмечает Т. Р. С. Броутон, «эти области никогда не были окончательно подчинены ни Селевкидами, ни Атталидами»⁴. Не представляло собой чего-то единого и остальное сельское население.

Для того чтобы правильное представить себе ту обстановку, в которой жили зависимые крестьяне, как и на каких условиях они обрабатывали земли, кто пользовался плодами их труда, чем именно определялось их социальное положение, необходимо предварительно остановиться на ряде вопросов.

Важную роль во всех обстоятельствах жизни сельскохозяйственного населения Малой Азии играли природные условия. Борьба за их улучшение, приспособление к климату, ирригация, определение экономически более выгодных для данной местности культур — все это имело весьма существенное значение для человека, жившего более чем две тысячи лет тому назад, суеверно молившегося силам природы и старавшегося поставить их себе на службу. Кроме того, географический фактор — один из наиболее устойчивых в арсенале историка. В отличие от социального он не претерпевает таких существенных изменений в течение столетий. Не удивительно поэтому, что сравнение природных условий Малой Азии в описании Страбона в общих чертах совпадает с тем, что находят современные исследователи Турции. Имелись во времена Страбона и сохранились до наших дней три основных района Малой Азии, отличающиеся по своим природным условиям, — Западный, Центральный и Восточный. Совпадают и характеристики их, данные в античную и современную нам эпохи. Так, по описанию П. М. Жуковского, западная часть Малой Азии, «начинаясь от Эгейского моря невысокой полосой холмов..., приобретает характер сильно изрезанной горной страны с многочисленными горными кряжами различного направления, высоты, формы и протяжения, прерываемыми глубокими рвами, долинами рек, открытыми к Эгейскому морю». Центральная Малая Азия представляет собой «высокое плоскогорье»; «горные цепи и вулканические возвышенности занимают значительную часть областей Фригии, Галатии и Ликаонии»; «Ликия представляет собой ряд горных цепей и небольших возвышенностей»; «границающая с Ликией Кария является гористой страной» и т. д.⁵

Из подобного перечисления ясно, насколько неблагоприятной для сельского хозяйства являлась значительная часть земель Малой Азии с ее горами, каменистой почвой и малым количеством воды. Естественно поэтому, что земледелие могло развиваться лишь по берегам рек в сравнительно узких долинах, где почва была плодородна и имелись возможности для ирригации. Важнейшими были такие реки, как Меандр (совр. Большой Мендерес), Кайстр (совр. Малый Мендерес), Галис (Кызыл Ирмак), Ирис (Епиль Ирмак), Герм (Гедиз-Чай), Мацест (Сусыгырлык) и другие, имевшие протяженность в несколько сот километров⁶.

³ Как, например, Мостена и Пёманенум.

⁴ Т. Р. С. Broughton, *Roman Asia*, в серии: T. Frank, *An Economic Survey of Ancient Rome*, т. IV, 2-е изд., Baltimore, 1938, стр. 646.

⁵ П. М. Жуковский, *Земледельческая Турция*, М.—Л., 1933, стр. 6 слл.

⁶ Например, протяженность Галиса, истоки которого лежат в гористой местности Кызыл-дага и который впадает в Черное море, — 950 км, длина Меандра — 380 км (Жуковский, *ук. соч.*, стр. 13).

Долины некоторых из этих рек имели чрезвычайно плодородную аллювиальную почву (например долина Меандра). За исключением берегов рек и довольно широкой прибрежной полосы Западной Малой Азии, картина остальной части страны была довольно безрадостна. Так, например, центральная часть Малой Азии представляла собой «необозримое монотонное плоскогорье, почти лишенное деревьев и кустарника... Как правило, почва степей состоит из известкового слоя, на котором в более низких местах лежит песок, глина или гумус. Очень часто степь покрыта обломками каменных пород, так что растительный покров пробивается между этими остатками пород» (там же, стр. 61).

Каменистый слой местами дает залежи превосходного мрамора, как, например, в Кари, и другого строительного камня. Одной из богатейших своими залежами мрамора была местность, по которой шла важнейшая в древности дорога Пергам — Тиатира — Сарды, там даже имелась местность, называемая *μάρμαρον*. В целом же географы считают, что 80% поверхности Малой Азии занимали горные почвы, которые пригодны для земледелия лишь выборочно⁷.

Природные условия Малой Азии в значительной мере определяли занятия ее жителей. Виноградарство, садоводство, разведение оливок и другие земледельческие культуры в долинах рек и на побережьях Черного, Эгейского и Средиземного морей сосуществовали со степным земледелием и животноводством центральных областей Малой Азии. В лесистых местностях, как, например, в горах Тавра и др., проводилась рубка леса на дрова, заготавливался корабельный лес.

Сложившийся в Малой Азии тип сельского хозяйства в большой степени можно назвать оазисным⁸. Это обстоятельство отчасти обусловило и замкнутость тех общин, которые были расположены в труднодоступных местностях, по берегам небольших рек. П. М. Жуковский отмечает в оазисах современной Турции наличие таких исконных обитателей, которые сохранили родовой быт вплоть до нашего времени⁹.

Описание природных условий дало возможность М. И. Ростовцеву справедливо отметить, что Малая Азия не была страной исконного земледелия и сельского хозяйства. Она была знаменита лишь своими овцами и баранами, свиньями и садами (SEHNW, стр. 563). И не случайно поэтому, как отмечает М. И. Ростовцев, то обстоятельство, что из античных писателей, знатоков сельского хозяйства, ни один не был уроженцем Малой Азии.

Формы социальной зависимости в значительной мере предопределялись той структурой землевладения и землепользования, которая сложилась в Малой Азии. Земли принадлежали самым различным категориям владельцев, статус которых отличался один от другого. Порядок обработки этих земель, уплата налогов в казну, различные формы зависимости сидевшего на этих землях населения — все эти вопросы мало разработаны и должны еще служить предметом исследования.

Земли Малой Азии эллинистического периода подразделялись на различные категории и были многообразны по своей структуре. Об этом надо сказать потому, что характер землевладения в значительной мере определял характер зависимости сидевшего на этих землях населения. В Малой Азии:

⁷ Сб. «Современная Турция», М., 1958, стр. 18.

⁸ Эти оазисы часто бывают отделены обширными, неводеланными полупустынными пространствами, труднопроходимыми горными хребтами или сплошными лесами (Жуковский, ук. соч., стр. 137).

⁹ Жуковский, ук. соч., стр. 104.

Кто-то
этот
нигде
не
остаток

— Какая-то часть земель составляла личные владения эллинистических монархов.

— Значительное количество земель принадлежало городам.

— Важную роль играло храмовое землевладение.

— Часть земель издавна была во владении местных племен.

— Имелись владения членов царской семьи, приближенных царя и крупных чиновников.

— Определенные участки земли занимали военные поселенцы, непосредственно подчиненные царю.

— С глубокой древности владели землей сельские общины.

Даже простое перечисление этих категорий землевладения указывает на многообразие форм земельных отношений.

Однако ряд вопросов, относящихся к землевладению и землепользованию в эллинистической Малой Азии, почти совершенно не разработан. Не имея возможности подробно анализировать их в настоящее время, перечислим лишь некоторые.

Не поставлен в историографии вопрос о том, отличался ли статус всех земель страны, юридически принадлежавших царю, от статуса имений, бывших его личной собственностью. Важным и неразработанным является вопрос, как именно менялся статус частных земель после их приписки к городу и отличался ли он от положения земель, которыми владели исконные уроженцы этого города, на каких условиях владела землей община и др. От изучения этих вопросов зависит и решение проблемы о положении и формах зависимости сельского населения, сидевшего на этих землях и обрабатывавшего их. Не изучено, например, было ли какое-нибудь различие в положении $\lambda\alpha\omicron\iota$, сидевших на землях, принадлежавших лично царю, от положения всех сельских жителей страны. Другими словами, были ли $\lambda\alpha\omicron\iota$ βασιλικοί идентичны $\lambda\alpha\omicron\iota$? Как изменялось положение сидевшего на частных землях зависимого населения после приписки их к городу? Отличалось ли оно от положения того зависимого населения, которое искони обрабатывало земли того или иного полиса? Имелись ли в принадлежавших царю деревнях, помимо $\lambda\alpha\omicron\iota$, еще и другие жители?

Вопрос о праве владения и пользования землей в эллинистической Малой Азии неоднократно привлекал внимание исследователей. М. И. Ростовцев считал, что оно возникает из права владения усадьбой, виноградной и садовой землей¹⁰. Этот же вопрос о праве владения и пользования поставил в своей интересной статье и В. В. Струве на материале эллинистического Египта¹¹. В. В. Струве вполне соглашается с мнением М. И. Ростовцева о том, что «в Египте того времени речь может идти лишь о земельном владении, а отнюдь не о собственности» (там же, стр. 4). Однако, признавая справедливость этой общей постановки вопроса М. И. Ростовцевым, В. В. Струве возражает ему по другому важному вопросу — о путях возникновения частного владения. На материале Птолемеевского Египта В. В. Струве отмечает, что «подобное строгое различие прав владения пахотной и садовой землями, как его установил М. И. Ростовцев, а также и стоящий в связи с этим различием взгляд его на возникновение и развитие частного земельного владения не соответствует действительности» (там же, стр. 4). Не касаясь в деталях спора В. В. Струве с М. И. Ростовцевым, развернувшегося на материале Птолемеевского

¹⁰ М. R o s t o w z e w, Studien zur Geschichte des Römischen Kolonates, Lpz. und Berlin, 1910.

¹¹ В. В. С т р у в е, Право владения землями пахотной и виноградной в Птолемеевском Египте, ЖМНП, ч. 55, 1915, № 1, стр. 1—64.

стического периода и соответствовал латинскому *possessio*, также не имевшему в эпоху эллинизма определенного содержания. «Κτήμα могло употребляться тогда как для обозначения собственности, так и для обозначения владения самых различных оттенков»¹⁸. Этот термин многократно встречается в эпиграфике эллинистической Малой Азии. Им, в частности, обозначались владения, принадлежавшие городам. В одной раннеэллинистической надписи из Митилены (OGIS, № 2, вторая половина IV в. до н. э.) говорится о τὰς πόλιος κτήματος. Декрет был издан с целью охраны имущества, принадлежавшего городу. Более конкретно определяется этот термин в письме Лисимаха приенцам (OGIS, 13), где κτήσις Приены называется принадлежавшая городу хора Батинетида (Βατινιτίδος χώρας), которой город владел ἐξ ἀρχῆς¹⁹.

Тем же термином κτήματα обозначались земельные владения не только города, но и отдельных его жителей. Когда миласцы были обвинены в государственной измене, их κτήματα были проданы и деньги поступили в городскую казну²⁰. В ряде случаев владение землей, в отличие от прочих, специально оговаривали — например, на Теосе говорится о земельных владениях — κτήμα ἐγγεον — в городе и в сельской местности²¹.

В пергамском законе об астиномах упоминаются и οἱ τὰ κτήματα κεκτῆμένοι (OGIS, 483₃₁), причем подразумеваются владельцы домов (οἰκίας) и γεитνίαι, что В. Диттенбергер в комментарии к этой надписи (прим. 14) переводит как *domus et fundi*. Таким образом, под термином κτήμα имеются в виду в первую очередь земельные владения городов и отдельных граждан.

В ряде малоазийских надписей дается раскрытие термина κτήμα. Перечислим некоторые из них. Например, зелейская надпись IV в. до н. э. (SGDI, 5533e) в κτήμα включает клер на равнине, жилище, сад и сто глиняных амфор (κλήρον ἐν τῷ πεδίῳ, οἰκίην, κήπον, κέραμον ἀμφορέων ἑκάτον). Примерно то же дается и в плохо сохранившейся наксосской надписи III в. до н. э. (SEG, II, 2, 500), где в число κτήμασι вводит οἰκίας καὶ κήπου καὶ κέραμου ἀμφορέων. Интересна писидийская надпись несколько более позднего времени²², в которой некто Диотейм оставляет по завещанию своему родному городу Ариассу в Писидии свое владение — κτήσις — и дает четкое определение, что именно в него входит. Это определение настолько интересно, что целесообразно привести его полностью: Δίδῃμι δὲ καὶ χαρίζομαι τῇ γλυκντάτῃ πατρίδι μου κτήσιν μου ἐνοῦσαν τόφῃ Παυνάλλοις ἐν ὑπερῳρίοις ἐν τε ἀμπελικοῖς καὶ σπειροπόροις πεδείοις τε καὶ ὄρεινοῖς καὶ τοῖς ἐποικίοις πᾶσαν ὥς ἐστίν, μηδενὸς ὑφηρεμένου (дальше уточняются взаимоотношения Диотейма с Ариассом, которому он передает в наследство свое владение). Таким образом, в κτήσις Диотейма входят земли пахотные и пастбищные, виноградники и приусадебные участки.

Следует особо отметить, что в этой надписи, как и во всех других, не говорится, что в состав κтесиса входили бы люди, которые сидели на этой земле и ее обрабатывали.

¹⁸ Струве, ук. соч., стр. 13.

¹⁹ А. Г. Периханян отмечает наличие терминов, производных от κτήμα, например κτηματώναι, — в Олиме народное собрание выбирало специальных лиц в количестве 17 человек, которые покупали частные земли на средства священной казны Олима («Храмовые объединения Малой Азии и Армении», М., 1959, стр. 87). В приводимой Ле Ба — Ваддингтоном надписи дается разъяснение этого термина — κτηματώναι — οἱ δὲ αὐτοὶ καὶ μισθῶται — «ктематоны, они же арендаторы» (Ph. Le Bas, W. Waddington, Voyage archéologique en Grèce et en Asie Mineure, т. III, ч. V, Р., 1870, № 331).

²⁰ Там же, № 337, 378, 379.

²¹ SEG, II, 2, 580.

²² IGRR, III, 422.

Производным от того же глагола *κτάρειν* является термин *γεωκτηταί*, встречающийся в надписи из окрестностей Кизика²³. Комментатор этой надписи Ф. Хазлук считает, что под геоктитами следует подразумевать крестьян, которые могли арендовать землю, принадлежавшую Кизику²⁴. Аналогичную точку зрения высказал и М. И. Ростовцев, считавший, что так называли кометов, жителей деревни²⁵. Анализ надписи показывает, что под геоктитами имелись в виду не кометы, а видимо, жители Кизика, владевшие землями в пределах этой деревни или по соседству с нею.

От того же глагола *κτάρειν* образовано и *ἐκτμήνοιοι*, встречающееся в ряде надписей Малой Азии как эллинистического, так и более позднего времени²⁶. В словаре Лидделла — Скотта дается следующее определение этого понятия: «*ἐκτμήναι* — property held in a foreign country».

Другим термином, обозначающим право владения, был глагол *ἔχω*. Этот термин употреблялся в ряде случаев и для обозначения земельного владения. Так, например, в надписи, относящейся ко времени Антиоха I Сотера (около 275 г. до н. э.), говорится о Мелеагре, который раньше владел имением Петра (*ἦν πρότερον εἶχεν Μελέαγρος*²⁷). Вследствие каких причин он его лишился, — трудно сказать, то ли стал изменником, то ли поспорил с царем. Во всяком случае, это имение было у него отобрано.

А. Г. Периханян считает, что термин *ἔχω* надо передавать с оттенком условности и *ἦν πρότερον εἶχεν Μελέαγρος* переводить «которая находилась в условном владении Мелеагра»²⁸. Тот же оттенок видит А. Г. Периханян и в известной надписи из деревни Байтокайки, где слова *τῇ χωμῇ... ἦν πρότερον εἶχεν Δημήτριος* она также переводит как «условное владение»²⁹. Из подобного перевода автор делает уже довольно категоричный вывод: «... в этом письме имеется указание на весьма интересный факт: храмовая деревня Байтокайка до данного письма — указана — находилась в условном владении у некоего Деметрия, сына Антиоха — находилась в условном владении у некоего Деметрия, сына Деметрия» (там же, стр. 151). Аргументации своей точки зрения автор не сообщает и дополнительных данных не приводит, поэтому мнение А. Г. Периханяна трудно принять. Больше все же оснований считать, что в перечисленных двух случаях речь шла об обычном владении имениями, которые царь как верховный собственник земли имел право отобрать у владельца, чем-то ему не угодившего.

Термин *ἔχω* встречается и в надписи, посвященной продаже Антиохом II земли Лаодике. Здесь также этот термин правильно будет перевести не «иметь», а «владеть», как и в предыдущем случае. Поэтому А. Б. Ранович, давая перевод этой надписи, совершенно справедливо передает слова *ἔχουσιν* *χωρίως* как «владеть неограниченно»³⁰.

²³ F. W. Hasluck, Unpublished Inscriptions from the Cyzicus Neighbourhood, JHS, XXIV, 1904, стр. 21, № 4.

²⁴ Hasluck, ук. соч., стр. 21 сл.

²⁵ Rostowzew, Studien..., стр. 263, прим. 1. Об этой надписи подробнее см. ниже, стр. 39—41.

²⁶ Syll. 3, 63374; IGRR, IV, 1087 — надпись с о-ва Коса.

²⁷ Уэллз, который комментировал надпись RC, 104—105, переводит это как «which formerly Meleagros held». А. Б. Ранович (ук. соч., стр. 38) считает, что Уэллз употребляет глагол hold в смысле феодального держания. Однако, как кажется, здесь имеется в виду hold в часто употреблявшемся смысле «владеть, иметь». Недоразумение, как кажется, имеется и с оценкой А. Б. Рановичем термина *serf* — оно также, наряду с крепостным, обозначает и раба.

²⁸ Периханян, ук. соч., стр. 151 сл.

²⁹ Кстати, следует отметить, что сама А. Г. Периханян, давая несколькими строками выше перевод надписи из Байтокайки, упомянутые выше слова переводит — «деревню, которой прежде владел Деметрий, сын Деметрия, сына Мнасея» и не говорит ничего ни о каком условном владении (там же, стр. 151).

³⁰ Ранович, ук. соч., стр. 33.

где
аналог

Значит
царь
был
вероятно
содет

Термин ἔχω употреблялся также для обозначения права владения горожанами своими домами и землями. Так, например, в надписи Александра, обращенной к Приене (IP, 1), он употреблялся применительно к жителям Приены, владеющим землей и домами (ἔχοντες τὴν τε γῆν καὶ τὰς οἰκίας). Важно отметить, что термин ἔχω³¹ применяется и в тех случаях, когда речь идет о владении землей, купленной крестьянами. В одной из интересных ликийских надписей II в. до н. э. из деревни Кардаков около Тельмесса царь Евмен разрешает жителям — οἱ κατοικοῦντες ἐν Καρδάκων κόμη — владеть землей, несмотря на то, что они не заплатили за нее денег царю Птолемею, у которого эту землю купили³². Разрешение Евмена на владение сформулировано так же, как и разрешение на владение землей Лаодикой, — ἐὰν ἔχειν.

Принадлежность, владение обозначались также термином ὑπάρχω. Как и κτάομαι, он употреблялся для обозначения владения полиса хорошей (τὰν τε ὑπάρχουσιν αὐτοῖς χώρων.) Однако значение его было и более широким. В надписи о дарении Антиохом земли Лаодике (OGIS, 225) говорится о деревнях с принадлежащими (ὑπάρχοντα) им λαοὶ и об имуществе, принадлежавшем этим λαοὶ (σὺν τοῖς ὑπάρχουσιν πᾶσιν).

Таким образом, предметы владения — земля, жилища, орудия для обработки земли, плоды урожая — обозначались всеми тремя терминами в равной степени — и κτάομαι, и ἔχω, и ὑπάρχω. Не анализируя сейчас юридическую сторону права владения и отличия его от права собственности, поставим лишь один вопрос, важный для данной темы, а именно — какими терминами определялись владения различных социальных групп населения. При знакомстве с источниками нельзя не заметить, что термином κτήμα обозначались владения приближенных царя, городов и отдельных граждан этих городов, которых называли обычно ἐκκλημένοι, ἐκκλημένοι. Видимо, к той же категории жителей городов, владевших землей в хоре, относились и γεωκτεῖται. Эти категории имели право κτήμα. Следует отметить, что в надписях нет упоминаний о том, чтобы правом κτήμα обладал зависимый крестьянин, житель сельской местности.

Исключением в этом является приенская надпись конца IV в. до н. э. (IP, 315), где говорится о владении землей педиеями и о запрещении кому-либо посягать на эту землю: τῶν δὲ κ[τ]ημάτων ὧν [οἱ πε]διεῖς ἐκκληνται μὴ εἶναι αὐτοῖς κ[τ]ήσασθαι («владениями, которыми владеют педией, ему владеть нельзя») ³³. Употребление термина κτήμα применительно к зависимому населению — педиеям — случай исключительный. Возможно, это объясняется тем, что здесь речь идет о владении землей не отдельным земледельцем, а целым племенем. Однако и в этом случае более употребительным было такое обозначение, какое, например, мы встречаем при описании владения землей фригийцами, где употребляется не термин κτήμα, а ἔχω и говорится... Φρύγες ἔχοντες.

В противоположность термину κτήμα два других — ὑπάρχω и ἔχω — применялись для обозначения владения не только городов и граждан, но и жителей деревень.

Без специального исследования трудно с уверенностью сказать, что собой представляло право владения как юридическая и социальная категория, однако в представлении греков, жителей Малой Азии, оно, ви-

³¹ Уэллз считает, что глагол ἔχω правильнее понимать не как владение, а как держание (RG, прим. к № 10), однако не приводит никаких аргументов, а в примечании к RC, 70 противоречит сам себе, определяя ἔσχεν как «владение».

³² M. S e g r e, Inscrizioni di Licia, Clara Rhodos, IX, 1938, стр. 183 слл.

³³ Речь идет об одном эфесе, которому Приена даровала различные привилегии, в том числе право владения землей.

димо, сочеталось с правом гражданства и являлось его прерогативой. Различное обозначение права владения для полноправного городского и сельского населения указывает, что и в характере владения имелись определенные отличия.

Следует отметить, что во владения, обозначаемые всеми тремя терминами, не входили люди — ни рабы, ни зависимое население, ни крестьяне. Более того, о них говорилось отдельно, их отличали от $\kappa\tau\eta\mu\alpha$. Этим, возможно, и объясняется то обстоятельство, что при различных сделках, связанных с $\kappa\tau\eta\mu\alpha$, — продаже и сдаче в аренду земли и имущества — не упоминались люди, непосредственные производители, сидевшие на этой земле. Исключение представляет лишь одна надпись — о продаже Лаодике земли с жившими там $\lambda\alpha\omicron\iota$.

* * *

Ответ на вопрос о том, кто такие были $\lambda\alpha\omicron\iota$, можно дать, лишь обратившись к изучению их фактического и юридического положения. Перечислим те малоазийские документы эллинистического времени, в которых упоминаются $\lambda\alpha\omicron\iota$ $\beta\alpha\varsigma\iota\lambda\iota\kappa\omicron\iota$ или $\lambda\alpha\omicron\iota$. Это в первую очередь известная надпись Антиоха II (253 г. до н. э.) о продаже земель своей бывшей жене Лаодике, надпись Мнесимаха, надпись о дарении земель Аристодикиду. Остановимся подробнее на каждом из этих свидетельств.

Надпись о дарении царем Антиохом I Сотером земли некоему Аристодикиду Ассию (OGIS, 221), найденная в Илионе в хорошей сохранности, состоит из четырех документов — письма Мелеагра совету и народу Илиона и трех писем Антиоха Сотера Мелеагру, правителю Геллеспонтской сатрапии. Тема всех этих четырех писем одна — дарение земель Аристодикиду и приписка их к Илиону³⁴. Подаренный царем участок состоял из имения Петры и части хоры, принадлежавшей Петре, размером в 1 500 плетров. Кроме того, Аристодикиду было подарено еще 2 000 плетров земли в другом месте, примыкающем к хоре Илиона. Таким образом, он получил в общей сложности 3 500 плетров годной для обработки пахотной земли³⁵, т. е. если плетр равен 876 м², то на современные меры этот участок равнялся немалой цифре в 300 гектаров пахотной земли.

На основании данных эпиграфики следует отметить, что в Малой Азии частные владения были самых различных размеров, не в пример «образцовым виллам» Катона, площадь которых была ограничена, как наиболее целесообразная, 25 га. Например, у Мнесимаха имения были самого различного размера³⁶. Видимо, быстро стали увеличиваться земли, данные в свое время Атталом I и Прусией I храму Зевса в Эзанах. Это дало повод императору Адриану потребовать нового передела этих участков. «Если не известно, на какие участки, называемые клерами, была поделена земля, посвященная царями Юпитеру Эзанскому, то лучше всего, как ты и сам думаешь, применять меру, которая в соседних городах считается не слишком большой и не слишком малой»³⁷. Известный из одной малоазийской надписи участок Аристодикида по своим размерам превы-

³⁴ OGIS, 221, № 1—4. Уэллз (RC, 10—13), также опубликовавший эти документы, располагает их, как кажется, более логично — сначала письма Антиоха Мелеагру с сообщениями о дарении земли, а уже потом, последним, — письмо Мелеагра Илиону с распоряжением относительно этих дарений.

³⁵ Во всех трех письмах Антиоха подчеркивается, что он дает Аристодикиду землю, которая раньше уже подвергалась обработке ($\gamma\eta\varsigma$ $\epsilon\rho\chi\alpha\sigma\iota\mu\omicron\upsilon$).

³⁶ В. Н. В и с к л е г, D. M. R o b i n s o n, Greek Inscriptions from Sardes, AJA, XVI, 1912, стр. 35.

³⁷ OGIS, 502; IGRR, IV, 571.

ПТО II
много
песков

всего?
мгн.

Никто
еще
быстро.
в 1914

сил также ту меру, которую Адриан определял как «не слишком большую и не слишком малую».

К сожалению, для Малой Азии отсутствует такое земледельческое руководство, какое есть, например, для Италии по Катону. Однако, сделав скидку на совершенно иные географические условия, специфику состояния почвы, своеобразие природных условий, хотя и хронологически совпадающие — II в. до н. э., вспомним данные Катона, приводимые им для Италии. Лучший размер имения по Катону — 100 югеров = 25,18 га (Cato, I, 7). На это имение по совету Катона (II, I) полагалось иметь 16 человек работников, которые могли бы вести всю требуемую работу. Правда, следует учесть, что Катон говорит об этом количестве работников применительно к винограднику, а не к пахотной земле, обработка которой являлась значительно менее трудоемкой, поэтому количество работников должно быть уменьшено. Тем не менее размер имения Аристодикида в 10—12 раз выше, чем вилла Катона³⁸, следовательно, для ее обработки надо было иметь не меньше, чем 100—120 человек³⁹. Кто же были эти люди и откуда они брались? Вопрос этот вполне законный, так как в письмах Антиоха I упоминается о дарении участка земли, но ничего не говорится о людях, которые его обрабатывали. Однако трудно предположить, что подаренные Аристодикиду участки, расположенные неподалеку от Илиона в густо населенной местности Западной Малой Азии⁴⁰, пустовали и не обрабатывались. Это предположение тем менее реально, что в надписях все время подчеркивается — ἐργασίμων γῆς, т. е. земля, которая уже обрабатывалась, в отличие от целины и пастбищных земель. На вопрос о том, кто же эту землю обрабатывал, текст надписи не дает никакого ответа. У нас нет оснований считать, что земля была подарена Аристодикиду без людей и, чтобы ее обрабатывать, тот должен был покупать 100—150 рабов. Вернее поэтому предположить, что земля была подарена Аристодикиду с λαοί, которые на ней сидели и раньше. Предположение это подтверждается тем обстоятельством, что во втором письме Антиоха I имеются строки, специально посвященные λαοί βασιλικοί. Приведем это место целиком: οἱ δὲ βασιλικοὶ λαοὶ οἱ ἐκ τοῦ τόπου ἐν ᾧ ἐστὶν ἡ Πέτρα, ἐὰν βούλωνται οἰκεῖν ἐν τῇ [ι] Πέτρῃ ἀσφαλείας ἕνεκεν, συντάξαμεν Ἀριστοδικίδῃ· ἐὰν αὐτοὺς οἰκεῖν «Царские владельцы же из того округа, в котором находится Петра, если захотят жить в Петре безопасности ради, мы предписываем Аристодикиду разрешить им, чтобы они там жили» (OGIS, 221, 3).

Данное свидетельство неоднократно привлекало внимание исследователей. Т. Завадски использует этот документ для доказательства того положения, что λαοί на бывших царских землях, подаренных частным лицам, все же оставались в распоряжении царя⁴¹. И. С. Свенцицкая подчеркивает, что λαοί, о которых идет речь в надписи, являются земледельцами, обрабатывающими оставшуюся в этом округе царскую землю⁴².

³⁸ В. Д. Блаватский в книге «Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья» (М., 1953) отмечает, что на Гераклейском полуострове, сельскохозяйственном районе Херсонеса, размер участков, принадлежавших одному владельцу, составлял 27—30 га, т. е. был примерно тех же размеров, что и вилла Катона (стр. 161).

³⁹ В книге «Земледелие...» В. Д. Блаватский приводит таблицу соотношения земельных участков и количества работников: для клера в 3 га нужно 2 работника, в 20 га — 13 работников, в 60 га — 35 работников (стр. 162).

⁴⁰ См. Strabo, XIII, 1, 9 слл.

⁴¹ T. Z a w a d z k i, Z zagadnień struktury agrarno społecznej krajów mało-azjatyckich w epoce Hellenizmu, Poznań, 1952, стр. 73 слл.

⁴² С в е н ц и ц к а я, ук. соч., стр. 99.

И. С. Свенцицкая не ставит вопроса о том, были ли земли подарены Аристодикиду с людьми, на ней сидевшими, или без людей; не ставит этого вопроса и Т. Завадски.

Вернемся еще раз к тексту надписи. Во-первых, известно, что царь давал Аристодику Петру и какую-то часть хоры, ей принадлежавшей (τὴν Πέτραν ... καὶ τῆς χώρας τῆς Πετρίδος), в размере 1 500 плетров. Представим себе, хотя и несколько упрощенно, как это выглядело графически. Допустим, что Петра имела какую-то определенного размера хору, часть которой — 1,5 тыс. плетров — была подарена Аристодику. Вспомним, что раньше Петра принадлежала некоему Мелеагру⁴³, но по какой-то причине была у него отобрадена царем и стала χώρα βασιλική, а сидевшие на ней крестьяне — λαοὶ βασιλικοί. Затем царь подарил это имение Аристодику — и укрепление Петру и часть принадлежавшей ей хоры. Укрепления, подобные Петре, встречались чрезвычайно часто в условиях Малой Азии и были, видимо, необходимы для защиты от набегов и грабежей. Одно из подобных укреплений эпохи эллинизма было раскопано в районе Метрополя, в 15 км на северо-восток, на месте совр. Тере-Кjöy⁴⁴. Оно состояло из одного квадратного двора, окруженного стеной толщиной в 1,45 м. В южном и западном углах находились башни со стенами каждой длиной по 6,5 м, вход был шириной в 2 м; справа от него — внутренняя сторожевая башня. Остальное место занимали дом и хозяйственные постройки, там же находился скот.

Это укрепление с полутораметровыми стенами могло служить хорошей защитой от набегов и нападений кочевников. Подобные крепости часто встречались в сельских местностях Малой Азии. Например, царь Эвмен обещает почитать башню кардакам⁴⁵, об укреплении (πύργον) Петры говорится в надписи Аристодикида. Этой маленькой вилле, вероятно, принадлежал, как и в Петре, какой-то земельный участок. К сожалению, о его размерах сказать ничего нельзя.

Однако вернемся к надписям Аристодикида. В этих четырех документах, несмотря на их многословие и неоднократные упоминания о размерах подаренных участков, ни разу не упомянуто, передаются ли эти земли вместе с людьми, на них сидящими. Наоборот, если судить по надписи, и Петра и часть ее хоры передается Аристодикиду без людей. Естественно поставить вопрос о том, куда должны были деться люди, сидевшие раньше на этой земле и жившие в Петре, после дарения ее Аристодикиду. Можно сделать три предположения — либо они были выслены со своих земель, либо остались жить на прежнем месте, либо, что данная часть хоземель, либо остались жить на прежнем месте, либо, что данная часть хоземель, либо остались жить на прежнем месте, либо, что данная часть хоземель, либо остались жить на прежнем месте.

43 Этот Мелеагр не тождествен Мелеагру, адресату царя Антиоха, правителю Геллеспонтийской сатрапии, на что указывает В. Диттенбергер в примечании к этой надписи (OGIS, 224). Premerste in, Berichte über Reisen in Lydien, «Denkschrift-

написи (OGIS, 224).
⁴⁴ J. Keil, A. Premersteine, Berichte über Reisen in Lydien, «Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien. Phil.-hist. Kl.», LIII, ч. 3, 1908, стр. 102.
 ... IX, 1938, стр. 190 слл.

45 S e g r e, ук. соч., IX, 1938, стр. 190 слл.

это само собой разумеющимся. Однако его беспокоит судьба тех λαοί, которые принадлежат лично ему и в надписи названы λαοί βασιλικοί. Видимо, это и есть те люди, которые жили на принадлежавшей царю части хоры Петры. Юридический статус их неясен. С одной стороны, они называются λαοί βασιλικοί и считаются принадлежавшими царю, с другой, — они могут, если хотят (ἐὰν βούλωνται), жить в Петре, т. е. для них допускается свобода выбора. Здесь невольно встает вопрос о том, имели ли эти λαοί βασιλικοί право личной свободы и были ли они прикреплены к земле. Интересно было бы также выяснить форму организации этих λαοί — составляли ли они общину, жившую на этой земле испокон веков, или же были поселены царем незадолго до того. Данная надпись не дает возможности ответить на этот вопрос, поэтому необходимо привлечь другие источники.

Упоминаются λαοί в известной надписи Мнесимаха, опубликованной У. Баклером и Д. Робинсоном⁴⁶ в 1912 г. Она была обнаружена в Сардах в храме Артемиды в 1910 г. и датируется приблизительно 300 годом н. э. Надпись представляет собой пунктуальное перечисление всех земель, которыми владел Мнесимах, и доходов, с них получаемых. Имение это Мнесимах получил некогда от царя Антигона. Под заклад его он занял у храма Артемиды большую сумму денег — 1 325 золотых статеров, которую храм потребовал вернуть.

Не приводя полного текста надписи, неоднократно комментировавшегося исследователями⁴⁷, скажем только, что в состав принадлежавшего Мнесимаху владения входили различные по размерам земли. Доход, получаемый с них, был также различен, например, с трех имений — Тобалмуры, Танду и Комбдилипия — вносилась в царскую казну подать в 50 золотых статеров в год, с клера Кинарое — только 3 статера, селение Периясастры давало налога 57 золотых и т. д. Всего в тексте перечисляется 8 находящихся в разных местах деревень и клеров, которыми владел Мнесимах и с которых он платил ежегодно в царскую казну налог — довольно внушительную сумму в 117 статеров. Эта сумма, согласно надписи, слагалась — ἐκ πάντων οὖν τῶν χωρῶν καὶ ἐκ τῶν κλήρων καὶ τῶν οἰκοπέδων προσκυρόντων καὶ τῶν λαῶν πανοικίων σὺν τοῖς ὑπάρχουσιν καὶ τῶν ἀγγείων τῶν οἰνηρῶν καὶ τοῦ φόρου τοῦ ἀργυρικοῦ καὶ τοῦ λητουργικοῦ καὶ τῶν ἄλλων τῶν γινόμενων ἐκ τῶν χωρῶν — «от всего получаемого со всех деревень, от участков, от усадеб и от живущих со всеми семьями λαοί вместе с принадлежавшим им, и от сосудов с вином, от подати денежной и трудовой и от всего другого получаемого от деревень». На первый взгляд может показаться, что λαοί πανοικίαι σὺν τοῖς ὑπάρχουσιν — это и есть население этих «деревень, участков и усадеб». Именно так трактуют это место издатели надписи У. Баклер и Д. Робинсон, которые говорят, что «эти деревни и их жители λαοί образовывали общины и платили царю ежегодный форос» (ук. соч., стр. 54). Издатели надписи вынуждены отметить, что λαοί — это основные жители деревень (χωρῆς), местное сельское население, но что οἰκοπέδα, в противоположность комам, не были населены λαοί (стр. 54). Доказательства этому У. Баклер и Д. Робинсон видят в единственной надписи OGIS, № 1, где говорится о κατοικοῦντας ἐν ταῖς χώραις, — однако там ведь не сказано, что жители этих деревень были именно λαοί. А. Б. Ранович переводит это место надписи следующим образом: «От крестьян со всеми их домами с принадлежащим им...»⁴⁸. Пе-

⁴⁶ Buckler, Robinson, ук. соч. стр. 35.

⁴⁷ Помимо комментария к первому изданию надписи см. Ранович, ук. соч., стр. 35; Свенцицкая, ук. соч., стр. 99 и др.

⁴⁸ Ранович, ук. соч., стр. 34.

ревод термина $\lambda\alpha\sigma\iota$ как «крестьяне» делает непонятным смысл данного открывка надписи. Сумма доходов Мнесимаха составлялась из:

1. Доходов от деревень.
2. От земельных участков (клеров).
3. От усадеб ($\sigma\iota\kappa\acute{o}\pi\epsilon\delta\alpha$).
4. От $\lambda\alpha\sigma\iota$ с их имуществом.
5. От сосудов с вином.
6. От денежной и трудовой подати.
7. От всего прочего, что поступает от деревень.

Следует отметить, что поскольку все эти статьи дохода перечисляются последовательно, ясно, что доход, поступающий от деревень, и доход от $\lambda\alpha\sigma\iota$ в надписи отчетливо различаются. Поэтому нельзя сказать, что $\lambda\alpha\sigma\iota$ являлись жителями этих «деревень, клеров и усадеб». Кажется неоправданным поэтому и перевод термина $\lambda\alpha\sigma\iota$ как «крестьяне». Деревня платила налог Мнесимаху сама по себе, и $\lambda\alpha\sigma\iota$ тоже его платили, но независимо от этих деревень. Из этого скупого сообщения мало что можно сказать о социальном положении $\lambda\alpha\sigma\iota$. Известно лишь определение их как $\lambda\alpha\sigma\iota \ \pi\alpha\nu\sigma\iota\kappa\iota\sigma\iota \ \sigma\upsilon\nu \ \tau\omicron\iota\varsigma \ \upsilon\pi\acute{\alpha}\rho\chi\omicron\upsilon\sigma\iota\nu$. Значение термина $\pi\alpha\nu\sigma\iota\kappa\iota\sigma\iota$ недостаточно понятно. В словаре Лидделла — Скотта дается следующее его значение — « $\pi\alpha\nu\sigma\iota\kappa\iota\alpha$ — with all the house, household and all». Близок этому перевод А. Б. Рановича «со всеми их домами». $\Sigma\upsilon\nu \ \tau\omicron\iota\varsigma \ \upsilon\pi\acute{\alpha}\rho\chi\omicron\upsilon\sigma\iota\nu$ — сомнений не вызывает и может переводиться как «вместе с их имуществом». На основании надписи Мнесимаха можно сказать, что $\lambda\alpha\sigma\iota$ имели дома, в которых они жили со своими семьями, и некое принадлежащее им имущество — домашнюю утварь, инвентарь для обработки земли. Они жили на земле, принадлежавшей Мнесимаху, но не были, видимо, объединены в деревни. В той же надписи о $\lambda\alpha\sigma\iota$ говорится еще один раз, подтверждая сказанное выше: за пределами виллы (в Тобалмурах. — Е. Г.) находятся дома $\lambda\alpha\sigma\iota$ и ойкетов ($\epsilon\tilde{\xi}\omega \ \tau\eta\varsigma \ \alpha\upsilon\lambda\eta\varsigma \ \epsilon\iota\sigma\iota\nu \ \sigma\iota\kappa\iota\alpha\iota \ \tau\omicron\nu\nu \ \lambda\alpha\omega\nu \ \kappa\alpha\iota \ \tau\omicron\nu\nu \ \sigma\iota\kappa\epsilon\tau\omega\nu$). Здесь следует отметить следующие обстоятельства: $\lambda\alpha\sigma\iota$ имеют жилища — $\sigma\iota\kappa\iota\alpha$, которые находятся не в самой усадьбе, а вне ее пределов. Дома $\lambda\alpha\sigma\iota$ расположены рядом с домами ойкетов. Каково бы количество этих $\lambda\alpha\sigma\iota$ на землях Мнесимаха, — сказать трудно. Вспомним, однако, что они платили лишь одну из семи статей подоходного налога этого крупного землевладельца. Таким образом, подытожим известное нам о $\lambda\alpha\sigma\iota$ из надписи Мнесимаха:

— $\lambda\alpha\sigma\iota$ не входили в состав населения деревень и усадеб, принадлежавших Мнесимаху, живя вне их пределов.

— Они имели дома и личное имущество.

— Обработывая землю, принадлежавшую Мнесимаху, они платили ему фторос (видимо, слова «фторос деньгами и трудовой» относятся также и к ним).

— Дома этих $\lambda\alpha\sigma\iota$ находились рядом с домами ойкетов.

Трудно что-либо определенное сказать о том, обладали ли $\lambda\alpha\sigma\iota$ личной свободой. Их юридическое и фактическое положение определялось тем, что земли, на которых они сидели, могли быть проданы в любой момент другому владельцу. Нельзя утверждать с уверенностью, но можно предположить, что $\lambda\alpha\sigma\iota$ в то время, когда земля эта принадлежала царю Антигону, назывались $\lambda\alpha\sigma\iota \ \beta\alpha\sigma\iota\lambda\iota\kappa\iota\sigma\iota$. При дарении Мнесимаху и переходе этих земель в руки частного владельца $\lambda\alpha\sigma\iota$ своего статуса не изменили, изменился только объект уплаты фтороса — вместо царя это стал Мнесимах. Они сидели на той же земле, на которой сидели их предки, жили в тех же домах, обрабатывали те же участки земли и платили фторос — хотя размер его, возможно, менялся. Таким образом, в перечисленных выше надписях о дарении земель Аристоδικиду и Мнесимаху ни-

погиб

приз

чего не говорится о дарении людей, сидевших на этих землях, наоборот даже, в надписи Мнесимаха подчеркивается, что *λχοί* остаются жить на прежних местах.

Наряду с этим в эпиграфике эллинистической Малой Азии имеются прямые указания на дарение вместе с землями и сидевших на них людей. Сюда относится интересная надпись о продаже земель Лаодике царем Антиохом II в 253 г. до н. э.⁴⁹ Этот документ состоит из трех надписей. Первая — обращение к стратегу (?) Метрофану, вторая — распоряжение Метрофана, третья связана с именем Арридея, управляющего имением Лаодики. Приведу полностью те отрывки надписей, в которых говорится о *λχοί*. В первой из них есть следующие строки: «Мы продали Лаодике Паннукоме... (далее идет описание земельного участка. — Е. Г.) и принадлежащих к этим *τόποι* *λχοί* со всеми их домами, со всем, что им принадлежало, и с доходами 59 года за 30 талантов серебра, как и тех *λχοί*, которые, будучи из этой деревни, ушли в другие места» (*πᾶσι [ρά]-καμὲν Λαοδίῃ Πάννου κώμην καὶ τόποι... καὶ τοὺς ὑπάρχοντας αὐτοῖς [ς] λ[α]οὺς [ς] π[α]ννοικίους σὺν τοῖς ὑπάρχουσιν πᾶσιν καὶ σὺν ταῖς [τοῦ ἐ]νάτου καὶ πεντη-κοστοῦ ἔτους προσόδοις ἀργυρίου ταλάντων τριάκοντα, ὁμοίως δὲ καὶ εἴ τινας ἐ[κ] τῆς κώμης ταύτης ὄντες λχοί μετεληλύθασιν εἰς ἄλλους τόπους*). В другом месте сказано, что Арридею, управляющему Лаодики, передаются деревня, вилла, принадлежащая к ней земля и *λχοί* со всеми их домами и со всем, им принадлежащим (*κώμην καὶ τὴν βῆριν καὶ τὴν προσοῦσαν χώραν καὶ τοὺς λχοὺς παννοικίους σὺν τοῖς ὑπάρχουσιν αὐτοῖς πᾶσιν*). Надпись эта вызвала большую литературу и получила самое различное толкование. Главным образом на основании этого сообщения М. И. Ростовцев строит свою концепцию о феодализме в эллинистической Малой Азии. Ее поддерживает целый ряд зарубежных ученых, в частности, например, С. Уэллз, который при издании надписей Лаодики (RC, 18—20) и переводе их с греческого на английский язык употребляет такие термины эпохи феодализма, как например, *βῆρις* — *manor-house hold* — «держание», *serf* — «крепостной» и др. Против точки зрения М. И. Ростовцева выступил А. Б. Ранович. Он считал, что «в надписи Лаодики в акт продажи включаются и крестьяне, но они принадлежат не царю, а селениям: *τοὺς ὑπάρχοντας αὐτοῖς λχοὺς*»⁵⁰, что в тексте речь идет не о продаже крестьян, а о «передаче Лаодике права на те доходы, которые до сих пор с царской земли поступали в казну» (там же, стр. 36).

Однако, как кажется, текст надписи не оставляет никакого сомнения в том, что Лаодике были проданы земли с сидящими на них *λχοί*. Поэтому более права И. С. Свенцицкая, которая констатирует факт продажи *λχοί* (хотя и называет его почему-то передачей). Она пишет: «Зависимые крестьяне оказываются прикрепленными к земле, платят подать и могут быть переданы царем вместе с землей частному лицу»⁵¹. Что же известно из надписи Лаодики о положении *λχοί* помимо самого факта их продажи?

Во-первых, что они были приписаны к *τόποι* (округам), как и в надписи Мнесимаха.

Во-вторых, что *λχοί* имели свои дома.

В-третьих, что им принадлежало определенное имущество.

В-четвертых, *λχοί*, которые ушли в другие места, должны были быть возвращены Лаодике.

Таким образом, подведем итог тому немногому, что известно о *λχοί* из перечисленных выше надписей.

⁴⁹ RC, 18—20; OGIS, 225.

⁵⁰ Ранович, ук. соч., стр. 35.

⁵¹ В надписи определенно говорится — *πεπράκαμεν* «мы продали» (а не передали) (Свенцицкая, ук. соч., стр. 95 сл.).

Земледельцы, сидевшие на царских землях, назывались *λαοὶ βασιλικοὶ*. Когда царь дарил своим приближенным или родственникам принадлежащие ему имения, эти земледельцы из *λαοὶ βασιλικοὶ* становились *λαοὶ*. Они платили подати царю *φόρος ἀργυρικός καὶ λητουργικός* и владельцу той земли, на которой сидели. *Λαοὶ* имели свое хозяйство, дом, личное имущество, семью. На основании этих немногочисленных источников⁵² трудно с полной уверенностью говорить об их юридическом положении, нужно сказать только, что *λαοὶ* не были лично свободны и царь мог их продавать и дарить вместе с той землей, на которой они сидели.

Положение этих *λαοὶ*, зависимых земледельцев на царских и частных землях, интересно хотя бы вкратце сопоставить с положением крестьян — жителей ком и катойкий. Положение их определялось словами одной из самых ранних надписей эпохи эллинизма — письма Александра Македонского жителям Приены (OGIS, I), где говорится: *π[ᾶσαν τὴν περίε] χώρα[ν] ἰνῶσκω ἐμὴν εἶναι, τοὺς δὲ κατοικοῦντας ἐν ταῖς κόμῃσι ταύταις φέρειν τοὺς φόρους* — «Я знаю, что все окружающие земли принадлежат мне, живущие же в деревнях должны платить подать». Жители, о которых идет речь в надписи Александра, были лично свободны и организованы в общины-комы. Зависимость их ограничивалась лишь уплатой форо́са. Эти кометы имели свое самоуправление, свою деревенскую власть — комарха и комархию. Помимо того, некоторые комы управлялись диойкетами, имелся там по образцу полиса грамматевс, пять диаконов, *οἰνοφύλαξ*. Постановления деревни иногда датировались гиппархатом того или иного лица по образцу городских архонтов.

Конечно, в зависимости от юридического и фактического положения каждой комы имелись те или иные различия в их политическом устройстве. Не изучая сейчас этого вопроса, нужно лишь отметить главное, а именно, что кома была единицей самоуправляющейся, а кометы пользовались определенными политическими правами. Деревни издавали различные благодарственные надписи и декреты, посвященные тому или иному событию жизни комы. Для примера из всего того множества эпиграфических памятников, свидетельствующих о жизни комы, выберем лишь один интересный документ, — надпись, найденную в окрестностях Кизика и изданную Ф. Хазлуком⁵³. Следует привести ее текст, состоящий из двух частей (А и В), полностью, поскольку далеко не все в ней поддается пониманию:

«А. Зевс Халадзий спаситель при Дионисии...

В. Фракиокометы посвятили богу стелу за хороший урожай, за невредимость плодов, а также за здоровье и спасение землевладельцев (*γεωκτηστῶν*) и пришедших к богу (*τῶν συνεργομένων ἐπὶ τὸν θεόν*) и живущих в деревне фракийцев (*κατοικοῦντων*). Медий, сын Стратона, богу и кометам, будучи первым диойкетом деревни, стелу на собственные средства восстановил».

Эта небольшого размера стела (0,62—0,82 м) I в. до н. э., найденная в Пандерме в хорошей сохранности, состоит, по мнению издателя, из двух частей. Более древней он считает надпись А, более поздней — В. Само по себе утверждение о одновременности написания двух частей этой надписи — безусловно правильно. Об этом совершенно определенно говорится и в тексте надписи — Медий, сын Стратона, восстановил ее (*ἀποκα-*

⁵² Спорными являются данные одной из надписей города Зелен (SGDI, 5533e) о даровании некоему Клеандру различных привилегий и в том числе *λεῶν αἰτοίκων*. Текст декрета плохо сохранился, и восстановление его вызывает сомнения. Вряд ли тут речь могла идти о рабах с домом, подаренных Клеандру. Аналогичных примеров в эпиграфике Малой Азии не встречается.

⁵³ H a s l u c k, ук. соч., стр. 21—23, № 4.

не это
и доказ.

|| это
тогда,
что го-
ворит
свему

где же
теперь
принад-
лежат
где об
этом
говорит
свему

ἐστῆσαν) на собственные средства. Более поздней правильнее считать часть со слов «Медий, сын Стратона» до слова «восстановил». Надпись эта дает характеристику политического устройства Фракиокоме, которое сомнений не вызывает. Интересны сложившиеся в этой деревне социальные отношения. В надписи упоминаются следующие категории: 1) γεωκτηταὶ (букв. «землевладельцы») 2) объединившиеся вокруг божества и 3) живущие в деревне. Термин γεωκτηταὶ вызвал различные толкования. Издатель надиси Ф. Хазлук видел в них людей, которые могли арендовать землю у Кизика⁵⁴. М. И. Ростовцев высказал предположение, что под геоктитами следует понимать крестьян, кометов⁵⁵. И. С. Свенцицкая говорит, что «геоктиты были людьми, получившими право на индивидуальное владение землей в пределах этой деревни. К сожалению, нельзя выяснить, были ли они гражданами полиса или выделились из сельской общины»⁵⁶.

Из всех вопросов, поставленных данной надписью, наиболее интересным представляется тот, на который дал неточный ответ М. И. Ростовцев и не дали никакого ответа Ф. Хазлук и И. С. Свенцицкая, а именно — были или нет эти геоктиты кометами, а в конечном счете — членами общины.

Для решения этого вопроса следует отметить одну деталь надписи, не использованную предшествующими исследователями: за здоровье и спасение этих трех категорий — геоктитов, объединенных вокруг божества и живущих во Фракиокоме — ставит надпись четвертая категория жителей этой деревни — кометы Фракиокоме, т. е. тем самым первые три категории кометами не являлись. Остановимся еще раз на каждой из них в отдельности. Συνερχόμενοι ἐπὶ τὸν θεόν И. С. Свенцицкая переводит как «объединенные вокруг божества» (там же, стр. 97). Однако глагол συνερχομαι означает не только «объединяться», но и «сходиться, собираться». Поэтому кажется более правильным συνερχόμενοι перевести не как «объединенные», а как «собравшиеся», т. е. тем самым здесь подразумевается не определенная социальная категория сельских жителей деревни, а люди, пришедшие из сельской округи на какой-то «престольный» праздник по какому-то единичному случаю. Близкое к этому толкование слов συνερχόμενων ἐπὶ τὸν θεόν дает и Ф. Хазлук, приводя термины τοῦ θεοῦ συναγωγή («собрание, сходка») в одной из надписей Лесбоса и сопоставляя συνερχόμενοι с συμπροεβήμενοι, что означает «приходить, сходиться»⁵⁷. Случай обращения к божеству лиц, собравшихся по поводу моления или ритуальных обрядов, не представляли чего-то исключительного и довольно широко известны из малоазийской эпиграфики. Предположение о «единичности» подобного собрания подтверждает также и сам текст анализируемой надписи фракиокометов. Вспомним, что на поклонение божеству (ἐπὶ τὸν θεόν) собрались как «пришедшие», так и живущие в деревне фракийцев. Тем самым и под вторым термином — κατοικοῦντες⁵⁸ — также нельзя видеть социальной категории жителей Фракиокоме. Возможно, что и геоктиты также не относились к числу живущих в деревне, владея землями по соседству, а живя — в Пандерме или даже в Кизике. Трудно сказать, что это были за люди. Определенно лишь можно утверждать, что геоктиты и кометы — различные социальные категории и, поскольку геоктиты не были членами общины, объединять

⁵⁴ Hasluck, ук. соч., стр. 23 слл.

⁵⁵ Rostowzew, Studien..., стр. 263, прим. 1.

⁵⁶ Свенцицкая, ук. соч., стр. 97.

⁵⁷ Hasluck, ук. соч., стр. 21 слл., № 4.

⁵⁸ Здесь этот термин употребляется не в значении «военные поселенцы», а в смысле «живущие, обитающие».

их нельзя. Мнение И. С. Свенцицкой, что геоктиты имели право владеть землей в пределах деревни ⁵⁹, ничем не подтверждается. Кометы Фракиокоме выступают как некая единая социальная категория, от своего имени выносящая какие-то решения и ставящая декреты. Эти кометы, члены общины, противопоставляют себя всем другим социальным категориям комы — и тем, кто живет в деревне, но не является членом общины, и тем, кто туда приходит из соседних местностей на религиозный праздник, и даже тем, что имеет право владения землей.

Приведенная в качестве примера надпись Фракиокоме убедительно показывает отличие юридического и политического положения кометов от того, что известно о $\lambda\alpha\omicron\iota$.

Нет необходимости специально останавливаться на положении $\chi\alpha\tau\omicron\iota\kappa\omicron\iota$, поскольку для эпохи эллинизма это была и специфическая, и малочисленная категория сельских жителей. Положение их, равно как и численность, изменяются лишь начиная с I в. н. э., что выходит за рамки данной темы.

Таким образом, $\gamma\omega\rho\gamma\omicron\iota$, $\kappa\omicron\mu\eta\tau\alpha\iota$, $\chi\alpha\tau\omicron\iota\kappa\omicron\iota$ являлись категориями, близкими по своему положению. Они были лично свободны и лишь уплачивали налоги в казну — либо городскую, либо царскую, $\lambda\alpha\omicron\iota$ же не были лично свободны, они могли быть проданы с той землей, на которой сидели, и в этом состоит их основное отличие от перечисленных выше категорий сельского населения.

Как можно проследить на основе данных эпиграфики, имелся целый ряд категорий сельского населения, о которых ничего не известно. Сюда относятся, например, $\sigma\upsilon\omicron\iota\kappa\omicron\iota$, $\epsilon\pi\omicron\iota\kappa\omicron\iota$, $\epsilon\nu\chi\omega\rho\iota\omicron\iota$ и др.

Одной из специфических форм эксплуатации сельского населения Малой Азии являлась зависимость ряда местных племен от греческих городов. Когда говорят об этих «зависимых» земледельцах, упоминают обычно лишь мариандинов и Гераклею, Приену и педиеев. Однако, если привлечь литературные (в первую очередь Страбона) и эпиграфические источники, можно проследить, что многие греческие города были основаны на землях местных племен и в какой-то форме продолжали с ними отношения. В одних случаях это были формы подчинения и эксплуатации, в других — какие-то условия жизни, приемлемые для обеих сторон — и для города, и для племени. Известно, например ⁶⁰, что часть земли города Зелей принадлежала фригийцам, за которую они платили форос. Девять человек из граждан, специально избранные полисом, занимались упорядочением этих земельных отношений. Принадлежавшие фригийцам земли не входили в число $\alpha\gamma\epsilon\rho\ \rho\upsilon\beta\lambda\iota\kappa\omicron\varsigma$ Зелей ($\alpha\upsilon\delta\rho\alpha\varsigma\ \epsilon\nu\nu[\epsilon\alpha]\ \tau\omega\nu\ \rho\omicron\lambda\iota\tau\omega\nu\ \epsilon\kappa\ \tau\omicron\upsilon\ \delta\eta\mu\omicron\upsilon$ «девять человек граждан из демоса должны быть избраны для обследования земель, кроме тех, за которые фригийцы платят форос»).

Из надписей Приены ⁶¹ известно о взаимоотношениях ее с зависимым населением — педиеями. Из них мы узнаем, что педиеи владели определенным количеством земель. Видимо, бывали со стороны тех или иных граждан попытки захвата этих принадлежавших педиеям земель, однако Приена в данном случае охраняла земли педиеев от подобных посягательств. Не случаен поэтому запрет некоему афеспу владеть теми землями, которыми владеют педиеи ($\tau\omega\nu\ \delta\epsilon\ \chi[\tau]\eta\mu\acute{\alpha}\tau\omega\nu\ \tilde{\omega}\nu\ [\omicron\iota\ \pi\epsilon\delta\iota\epsilon\iota\varsigma\ \chi\epsilon\kappa\tau\eta\nu\tau\alpha\iota\ \mu\eta\ \epsilon\iota\nu\alpha\iota\ \alpha\upsilon\tau\omega\iota\ \kappa\tau[\acute{\eta}]\ \sigma\alpha\sigma\theta\alpha\iota$ «из владений, которыми владеют педиеи, ему владеть не должно») (IP, 3). У нас нет прямых данных, однако можно

⁵⁹ Свенцицкая, ук. соч., стр. 97.

⁶⁰ SGDI, 5532, конец IV в. до н. э.

⁶¹ О них говорится в IP, 3, 14, 15, 16.

предположить, что педиеи по примеру уже упоминавшихся выше фракийцев вносили форос Приене в качестве платы за землю.

Насколько можно судить, отношения педиеев с Приеной складывались далеко не мирно: описанию их конфликтов посвящен ряд приенских надписей. Любопытна одна деталь — в своей борьбе с Приеной педиеи часто привлекали на свою сторону близко расположенный город Магнесию, равно как и последний также привлекал педиеев участвовать в этой борьбе (IP, 14 и 15).

Есть основания полагать, что после открытых вооруженных столкновений с Приеной некоторые из педиеев добились прав паройков⁶². И. С. Свенцицкая считает, что с III в. до н. э. «педиеи слились с остальной массой сельского населения приенской хоры и перестали существовать как особая социально-этническая категория», поскольку «в приенских надписях последнее упоминание педиеев датируется началом III в. до н. э.»⁶³.

По этому поводу можно высказать два соображения: во-первых, далеко не всегда *argumentum ex silentio* может быть доказательством того или иного положения, а во-вторых, вряд ли речь могла идти, учитывая острые социальные столкновения между Приеной и педиеями, о каком-то слиянии. Вернее предположить, что исчезновение педиеев было итогом острых социальных и политических конфликтов.

* * *

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что надписи с термином *δοῦλος* в сельских местностях Малой Азии почти отсутствуют. Более того, упоминания о «классических» рабах, обозначавшихся такими терминами, как ойкеты и андраподы, встречаются тоже чрезвычайно редко. Перечислим их. Это ойкеты из надписи Мнесимаха. При перечислении имущества, закладываемого Мнесимахом, говорится: *ἐξω τῆς αὐλῆς εἰσὶν οἰκίαι τῶν λαῶν καὶ τῶν οἰκιστῶν* «вне границ имения находятся дома лаой и ойкетов», а дальше идет перечисление ойкетов, живущих в местечках Тобалмурах и Периасасострах: *οἱ οἰκέται οἱ κατοικοῦντες ἐν τούτῳ τῷ τόπῳ — ἐν Τοβαλμουροῖς Ἐφῆσος Ἀδράστου, Κάδοχος Ἀδράστου, Ἡρχηλείδης Βελετροῦ, Τυῖος Μανέου Καῖου, ἐν Περιασασωστροῖς οἱ κατοικοῦντες Κάδοχος Ἀρχιανδρου, Ἀδραστός Μανέου*. В этой надписи, во-первых, ойкеты упоминаются отдельно от *λαοί*; во-вторых, в отличие от *λαοί* все ойкеты перечисляются поименно. Удивляет то обстоятельство, что на такое большое имение у Мнесимаха было только шесть ойкетов, вернее шесть семей ойкетов. Удивляет и перечисление рабов с именами их отцов. Видимо, для сельских местностей критерием рабства не обязательно являлось наличие или отсутствие патронимикона, поскольку, например, в надписи Мнесимаха ойкеты упоминаются с именами не только отцов, но даже и отцов этих отцов: «...ойкеты, живущие в этом месте, в Тобалмурах, — Эфес, сын Адраста; Кадой, сын Адраста; Гераклид, сын Белетра; Туий, сын Манея, сына Каика. В Периасасострах жили Кадой, сын Армананда; Адраст, сын Манея»⁶⁴. Судя по надписи, люди эти обрабатывали одни и те же участки, переходившие от отца к сыну, сидя на той же земле в течение нескольких поколений. Следует сказать и о том, что, видимо, не случайно встречающееся в этом перечислении повторение имен. Его можно поставить в связь с замечанием, сделанным

⁶² Это можно предположить на основании плохо сохранившейся надписи IP, 16 = RG, 8, состоящей из четырех фрагментов. В первом из них имеются строки — *ἐν ἡμέραις τριάκοντα ... αὶ παροικεῖν καὶ ἐν τ...*

⁶³ Свенцицкая, ук. соч., стр. 95.

⁶⁴ И. С. Свенцицкая дает неточное перечисление имен этих ойкетов — пропущено имя Кадоя, сына Адраста; Туий, сын Манея, назван Титом (ук. соч., стр. 99).

А. Г. Периханиян на основании киликийского материала, о том, что «существовала традиция наследования внуком имени деда или отца, и, таким образом, внутри одного рода из поколения в поколение циркулирует довольно ограниченное количество имен»⁶⁵. Издатели надписи Мнесимаха У. Баклер и Д. Робинсон отмечают, что почти все имена ойкетов носят местный характер. Так, Адраст — имя, хорошо известное во Фригии и Лидии, корень «Адра» негреческого происхождения. Имя Армананд лидийское, имеются созвучные ему и в Писидии, лидийское имя — Белестр; Гераклид — имя греческого происхождения, но часто встречается в лидийской эпиграфике, Кадой — фригийско-писидийское, Каик — часто встречается в Лидии и Мисии, Маней — во Фригии и Пафлагонии, Туий — имя пафлагонское. Анализ имен ойкетов, данный У. Баклером и Д. Робинсоном, убедительно показывает, что все эти ойкеты были не греками, а местными уроженцами⁶⁶.

Таким образом, ойкеты, жившие в окрестностях Сард, где находилось имение Мнесимаха, имели дома (*οἶκος*), подобно *λχοί*, и какое-то хозяйство. Они из поколения в поколение сидели на одних и тех же участках и обрабатывали их. Возможно, что эти ойкеты были домашними рабами, выросшими и воспитанными в семье своего господина и получившими затем какие-то наделы и дома, в которых жили из поколения в поколение.

Между социальным и юридическим положением *λχοί* и ойкетов нельзя проследить существенного различия. Видимо, в сельской местности раб-ойкет, имевший свой дом и имущество, был фактически приравнен к *λχοί*.

В сельских районах Малой Азии помимо ойкетов встречаются также андраподы. В классическом рабстве *ἀνδράποδοι* обычно приравнивались к *tetrapoda* и ближе всего в нормах римского рабовладения могли быть определены как *instrumentum vocale*. Однако в сельских районах Малой Азии наблюдается иная картина. Андраподы на острове Теосе, например, в конце IV в. до н. э. (SEG, II, 2, 579) имели право заниматься торговлей, о чем можно судить на основании специально сделанной в надписи оговорки — «если кто из андраподов продает лес или что-то другое» (*ἔσχα δ' ἂν τῶν ἀνδράποδων ξύλα ἢ ἄλλο τι πωλῇ*). Эти андраподы, кроме торговли, могли также заниматься ткачеством. Теосская надпись дает перечисление довольно развитой специализации ткацкого производства: андраподы изготавливали верхнее женское платье (*χλάνδις*), шерстяные одежды (*ἄμπέρονα ἐρίνεα*), одежду из милетской шерсти, платье из жесткой (*τρηχέϊον*) и мягкой (*μυλκχῶν*) шерсти. Для окраски этой шерсти они покупали и ввозили пурпур из других местностей, возможно и отдаленных. Таким образом, на Теосе, насколько можно судить на основании эпиграфических источников, в его сельских местностях население делилось на ряд категорий; с одной стороны, это были пахари, наемные работники, торговцы и ремесленники, с другой, — рабы-*ἀνδράποδοι*. Несмотря на определение Я. А. Ленцмана, который писал, что в отличие от слова *δοῦλος*, которое «означало человека несвободного, но все же человека», *ἀνδράποδοι* «обозначало только вид имущества — *instrumentum vocale*»⁶⁷, мы для Малой Азии подобного вывода сделать не можем. Во-первых, андраподы наряду со всеми свободными жителями общины получают ателию на 10 лет на продукты своего ремесла — здесь различия между полноправным и неполноправным не делается. Во-вторых, они наряду со свободными занимались торговлей и ремеслом. Обращает на себя внимание

⁶⁵ Периханиян, ук. соч., стр. 75.

⁶⁶ Buckler, Robinson, ук. соч., стр. 28.

⁶⁷ Я. А. Ленцман, О древнегреческих терминах, обозначающих рабов, ВДИ, 1951, № 2, стр. 59.

на оии
Баклер
чего
уточн

тот факт, что, согласно этой надписи, андраподы Теоса не занимались земледелием.

Помимо перечисленных выше, встречаются эпизодические упоминания о *σώματα*, которые главным образом связаны с ателией на провоз их в какой-либо город и не могут дать никаких интересных сведений. Нельзя не отметить и полного отсутствия сведений о вольноотпущенниках.

Таким образом, наши сведения о рабстве в сельских районах эллинистической Малой Азии скудны и отрывочны. Данные эти не позволяют ничего сказать о целом ряде важнейших вопросов, например, о соотношении труда рабов и зависимых земледельцев, об использовании и масштабах применения рабского труда, об источниках рабства, о долговом рабстве, о рынках рабов и т. д., и т. п.

В противоположность этому имеются многочисленные свидетельства о различных категориях земледельцев, начиная от *λαοὶ βασιλικοί*, продававшихся вместе с той землей, на которой сидели, и кончая свободными крестьянами, ставившими декреты от имени своих деревень. Видимо, это сельское население, прошедшее все ступени различных форм зависимости, и было основным производителем материальных благ в государствах эллинистической эпохи.

FORMS OF DEPENDENCE IN RURAL AREAS OF HELLENISTIC ASIA MINOR

by Ye. S. Golubtsova

A good deal is said in Soviet and foreign publications about the dependent rural population of Asia Minor, working on city and royal lands. What exactly was the nature of this dependence and what forms it assumed are questions that are not investigated in these studies.

There were many different categories of the rural population: *χωμῆται*, *ἀτοικοί*, *γεωργοί*, *λαοί*, *λαοὶ βασιλικοί*, *ἐκτῆμενοι*, *κατοικοῦντες*, *ἐνχώριοι* and others. The first three categories included free members of the community who had their own farm units. The *λαοί*, who were personally unfree, were in a very different position. They occupied land belonging either to the state or to a private individual or to a city, and they might be sold to another owner along with the land. Several of the categories enumerated above occupied an intermediate position between the *χωμῆται* and the *λαοί*.

In the Hellenistic period there were very few slaves of the «classical» type in rural areas. This may be inferred from the fact that the term *δοῦλος* never appears in the inscriptions, the terms *ἀνδράποδον* and *οὐκέτις* very rarely (the position of persons designated by the latter term was little different from that of the *λαοί*).

Hence the sources permit the conclusion that the basic producers of material wealth were not slaves but peasants, whose condition was characterised by various degrees of dependence.